

Научная статья

УДК 17.01

doi: 10.17223/1998863X/68/15

ЭТИКА И ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЕВ СУБЪЕКТНОСТИ

Дмитрий Сергеевич Турко

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, tourko.dmitry@gmail.com*

Аннотация. Поставлена проблема области применения моральных суждений. Утверждается, что моральные правила осмысленны только в мире, где существуют субъекты, или самости. Любая инстанция морального правила должна содержать термин, означающий субъект. Из этого следует, что определение субъекта и критерий субъектности должны быть ключевым вопросом этики.

Ключевые слова: субъект, субъектность, самость, этика, моральная забота

Для цитирования: Турко Д.С. Этика и проблема критериев субъектности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 154–164. doi: 10.17223/1998863X/68/15

Original article

ETHICS AND THE PROBLEM OF SUBJECTIVITY CRITERIA

Dmitry S. Tourko

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
tourko.dmitry@gmail.com*

Abstract. The article discusses a problem that straddles normative ethics and metaethics. This problem is the domain of moral judgment. My first thesis is that moral rules are meaningful only in a world where subjects, or selves, exist. In a world where there are no subjects (however we define a subject), or in a world where there is only one subject, ethics is impossible. The argument for the thesis is that moral rules can only be instantiated in the form of judgments that include terms referring to (1) subjects, or (2) subjects' interests (such as survival, avoiding suffering, happiness and the good life). If this condition is not met, then moral judgments lack their domain. It follows that the existence of other subjects is a necessary (but maybe not sufficient) condition for making any moral judgment, and hence for moral philosophy. My second thesis is that the definition of subject ought to be a fundamental issue for ethics. To define subject means to set necessary and sufficient conditions, on the basis of which we can determine the truth of any proposition of the type *x is a subject* for any thing *x*. This definition determines what kind of creatures we include in our moral concerns. Finally, I briefly discuss various models of subjectivity: biographical, self-conscious, perspectival and minimal-experiential subjectivity. Biographical subjects (i.e. most people) are able to combine elements of knowledge about themselves into more or less coherent causal sequences – biographical narratives. I raise the problem of the criterion on the basis of which people tend to arrange different subject-types into the hierarchy of moral concern. Elements of subject-types low on the hierarchy are either denied moral concern or treated as secondary therein. My hypothesis is that it happens on the basis of species-similarity (based on shared biological characteristics or belonging to the same species) and/or subjectivity-similarity (based on belonging to the same subject-type). As biographical subjects, we believe that we must first and foremost take care of other

biographical subjects; as members of the species H.s. we must care about its other members. If that is true it is unclear why the shared subject-type serves as the basis for justifiable moral concern. How can similarity be justified as a criterion for moral concern? I conclude that moral concern on the bases of species-similarity and/or subjectivity-similarity is devoid of explicit philosophical justification.

Keywords: subject, subjectivity, self, ethics, moral concern

For citation: Tourko, D.S. (2022) Ethics and the problem of subjectivity criteria. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 154–164. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/15

Необходимость субъектов для морали

Некоторые из многочисленных предметов мира – это предметы, по отношению к которым мы склонны проявлять моральную заботу. Другими словами, благополучие этих предметов представляется нам важным само по себе, а не приданным образом, как сохранение, например, инструментов. Выносимые нами моральные суждения («Убивать людей плохо», «Мы в ответе за тех, кого приручили») содержат термины, означающие такие морально значимые предметы.

Не все нормативно-этические системы наделяют предмет моральной значимостью (moral considerability) в зависимости от «одушевленности» этого предмета, его наделенности сознанием или его принадлежности к человеческому роду. Последователи этики окружающей среды (environmental ethics) настаивают на том, что среда в целом должна быть для нас важнейшим предметом моральной заботы. Вместе с тем в «Политике» Аристотеля наделенный душой предмет – раб – расценивался как живое орудие и не предполагал моральной значимости¹. Поэтому важно провести философскую работу, чтобы установить, какие предметы входят или должны входить во множество вещей, о которых мы в принципе можем иметь моральную заботу.

Мы будем использовать термин «моральная забота» для перевода распостраненного в англоязычной литературе термина «moral consideration» [2], [3. Р. 97; 4. Р. 247]. «Забота» в данном случае понимается предельно широко и ни в коем случае не в специфицированном ключе, как в феминистской этике заботы, или как патерналистская забота сильного о слабом, родителя о ребенке. Определим моральную заботу в этом широком смысле так: если p – предмет моральной заботы для q , то для q благополучие p важно само по себе, а не привходящим образом. В этом широком смысле p с точки зрения q может быть или не быть личностью, может заслуживать или не заслуживать уважения². Вопрос о том, что или кто должен являться предметом моральной

¹ «Все те, кто в такой сильной степени отличается от других людей, в какой душа отличается от тела, а человек от животного <...>, те люди по своей природе – рабы <...>» [1, 1254b15]. Также см.: [1, 1254a15] – характеристика рабов как живых орудий.

² Кантовское уважение (Achtung) значительно уже заботы, понимаемой в таком смысле. По мнению Канта, «уважение всегда питают только к людям и никогда не питают к вещам. Последние могут возбуждать в нас склонности и, если это животные (лошади, собаки и т.д.), даже любовь или же страх, как море, вулкан, хищный зверь, но никогда не будят в нас уважения» [5. Р. 187]. Для сторонников прав животных, таких как Питер Сингер, или для этиков окружающей среды, как Альдо Леопольд, собака или море, несомненно, предметы заботы, но необязательно уважения. Вместе с тем моя забота о другой личности (в вышеупомянутом широком смысле) не противоречит моему уважению к этой личности.

заботы, конечно же, следует отличать от вопроса, кто может или должен быть субъектом такой заботы¹.

В данной статье автор попытается показать, что предметы моральной заботы – с необходимостью либо другие субъекты, либо их интересы². Лишь термины, означающие (1) субъекты (самости), и(или) (2) интересы субъектов, могут входить в инстанции моральных правил. Интересы следует трактовать широко: выживание, удовлетворение потребностей, реализация планов. Этические суждения – это нормативные суждения о референтах таких терминов. Предметы, которые не являются субъектами и не влияют на их интересы, не представляют прямого интереса для этики, а пропозиции, в которые они входят, не являются этическими. Данный тезис о необходимости субъектности у предмета для возможности какой бы то ни было моральной оценки этого предмета, с одной стороны, направлен против слишком широких нормативно-этических программ, которые требуют от нас заботиться «более, чем» о субъектах – скажем, о природе или жизни как таковой (этика окружающей среды). С другой стороны, он направлен против тех этик, которые требуют от нас заботиться «менее, чем» о субъектах – например, о личностях, понимаемых в узком смысле (об этом ниже).

Итак, наш тезис следующий: нормативно-этические суждения осмысленны, если и только если они содержат термины, означающие (1) субъекты (самости), и(или) (2) интересы субъектов (самостей). Сначала постараемся доказать этот тезис от противного. Рассмотрим три мира:

А. Мир, в котором существует более одного субъекта.

В. Мир, в котором существует только один субъект.

С. Мир, в котором субъектов не существует, но могут быть «актанты»³.

Мир А – наш мир, в котором, согласно натуралистической эволюционистской парадигме, мораль возникла спонтанно в животных сообществах, включая сообщество людей. Мораль регулирует отношения между членами этих сообществ. Наш тезис заключается в том, что если мир А перейдет в мир В (все субъекты, кроме одного, вымрут) или С (вымрут все субъекты), любые моральные соображения потеряют смысл.

Мир В – это (1) мир, в котором солипсизм истинен; (2) мир, где существует только не творящий Бог; (3) сценарий последнего человека на Земле (если признать, что единственные субъекты – это люди). Единственный насельник миров типа В не будет связан никакой моральной заботой, так как будет отсутствовать возможный предмет такой заботы. Моральные суждения, которые мог бы продуцировать такой одиночка, будут содержать пустые термины.

¹ По этому вопросу согласимся с Кантом, что «принцип нравственности не ограничивается только людьми, а простирается на все конечные существа, наделенные разумом и волей включая даже бесконечное существо как высшее мыслящее существо» [5. Р. 148].

² Термин «интерес» заимствуется нами из утилитарной традиции. У Бентама интерес понимается в тесной связи с полезностью (utility). Полезность действия имеет значение мерять лишь когда речь идет о лицах, чей интерес действие затрагивает, т.е. чье счастье (happiness) увеличивается или уменьшается [6, I.2] в связи с этим действием. Напротив, в кантовской этике, соображения долга резко противопоставляются «чувственному» или «эмпирическому интересу» [5. Р. 182], возможность которого быть краеугольным камнем моральных соображений (как в утилитаризме) Кантом отвергается. Однако возврат к традиционному спору утилитаризма и деонтологии уведет нас далеко от темы данной статьи.

³ Этим ad hoc термином мы называем любые предметы, способные хотя бы к минимальной самостоятельной активности. Примеры актантов – люди, растения, инфузории, Бог и роботы.

Мир С – бессубъектный мир «актантов» – можно представить себе как (1) мир примитивных животных, (2) мир автоматов или (3) мир философских зомби (при условии, что животные, автоматы и зомби исключаются нашим определением субъекта). Населяющие этот мир актанты могут взаимодействовать между собой, и эти взаимодействия могут быть сколь угодно сложными и прагматически ориентированными. Так, автоматы могут взаимодействовать в порядке инструментальной рациональности. Они могут быть сконструированы и запрограммированы так, чтобы с максимальной эффективностью достичь некоей цели. Эти автоматы – например, бессубъектный общий искусственный интеллект (суперинтеллект, по выражению Бострома [3]) – могут обладать способностями к решению задач, кратно превосходящими человеческие способности. Но если эти автоматы не являются субъектами, то их взаимодействия друг с другом будут лишены этического содержания. В кантовских терминах их деятельность будет регулироваться гипотетическим, но не категорическим императивом.

Интуиция в этих воображаемых сценариях подталкивает к выводу, что в мирах В и С этика не может возникнуть, невозможна, или не нужна. Она существует только в мире А, потому что этические пропозиции имеют смысл лишь в мире, где есть субъекты. При этом конкретные примеры миров А–С могут отличаться от предложенных в зависимости от нашего определения субъекта.

Пока что мы апеллировали к интуиции. Теперь приведем аргумент в поддержку этой интуиции. Он состоит в том, что моральные правила могут быть инстанцированы только при условии, если в том или ином мире существуют субъекты. Существует моральное правило R и случай C , которых представляет собой переменную, связанную предикатом. Согласно нашему тезису, переменной может быть только субъект или интерес субъекта. Применяя правило к случаю, мы инстанцируем правило и выносим случаю оценку.

П1. Все убийства – зло (R).

П2. Казнь Сократа (C) – убийство.

В. Казнь Сократа – зло (инстанциация правила, а также J – ценностное суждение).

C в общем виде можно представить как $C(x)$: «казнь Сократа», «помощь самаритянина», «предательство Иуды» и прочее. Предикат C может быть n -местным. Инстанциации примитивных моральных правил типа R можно представить в виде $J[C(x)]$. Пример – вывод в силлогизме выше. Другой пример: «Помогать товарищу в битве – хорошо» (R). Тогда инстанциация J выглядит так: *Хорошо [помощь в битве (Сократ, Алкивиад)]* («Помощь Сократа Алкивиаду [в битве] – хорошо»).

Как видно, мы можем инстанцировать правило, только если наполним переменную x материальным содержанием. Какие термины могут быть связанной переменной x ? Вернемся к правилу R выше:

Все убийства – зло.

$J[C(x)]$: Зло [Убийство(x)]. (α)

Вместо x мы можем подставить:

1) термин, означающий человека;

2) термин, означающий не-человеческое млекопитающее;

- 3) термин, означающий микроорганизм;
- 4) термин, означающий робота, машину, или автомат¹.

С когнитивистской точки зрения, от того, какой термин мы подставим, меняется истинностный статус высказывания (α). В одних случаях получается истинное высказывание, в других – ложное. Оно может быть истинным, если связанный термин представляет собой предмет заботы того, кто совершает убийство. Оно ложное, если этот предмет находится за пределами моральных соображений убийцы. Если отбросить когнитивизм, можно просто сказать, что подставляя один термин, мы получаем высказывания, с которыми мы в целом интуитивно склонны согласиться (здесь это высказывание 1), подставляя другие – те, которые мы наверняка отвергнем (3, 4). Подставив термин (2), мы получим самое спорное высказывание.

Почему это происходит? В чем разница между предметами, которые составляют объект моральной заботы, и теми, которые не составляют? Мой тезис в том, что некоторые из терминов 1–4 обладают субъектностью, некоторые – нет. Наличие субъектности – решающий фактор, который определяет, должна ли у нас быть моральная забота относительно какого бы то ни было предмета, а потому и делает высказывания 1–4 морально значимыми или морально ничтожными. Поэтому определение субъектности должно иметь решающее значение для этики. Во втором разделе статьи предложим обзор некоторых этически значимых определений субъектности.

Критерии субъектности

Как мы постарались показать выше, для вынесения моральных суждений необходимо существование субъектов. Прежде, чем мы сможем выносить моральные суждения, мы должны понять, к каким предметам они применимы или какие термины могут заменить переменную в предикате $C(x)$. Другими словами, мы должны определить множество вещей, о которых мы можем иметь моральную заботу. Для этого необходимо дать ответ на вопрос, что же такое субъект.

«По умолчанию», согласно наивной интуиции, моральные суждения относятся только к людям или преимущественно к людям. Некоторые философы (а также не-философы) согласятся, что на Земле есть другие субъекты, кроме людей. Вероятно, во вселенной за пределами Земли существуют и другие нечеловеческие субъекты. При этом у нас нет ясности по поводу критериев морального поведения как по отношению к животным, так и в случае гипотетической встречи с инопланетянами. Поэтому важно поставить проблему оснований иерархизации носителей различных типов субъектности: «Почему мы считаем, что субъект типа А заслуживает большей моральной заботы, чем субъект типа Б?».

Здесь мы рассмотрим четыре модели субъектности. Каждая модель задает необходимое условие, такое, отвечая которому, некая вещь может считаться субъектом определенного типа. Они расположены по принципу ослабления требований – от более эксклюзивных определений к более инклюзивным. Кроме того, эти модели не исключают друг друга. Они расположены по та-

¹ На секунду расширим семантику слова «убийство» и будем понимать под ним намеренное уничтожение актанта (т.е. любого предмета, обладающего хотя бы минимальной автономией). Тогда можно «убить» робота, зомби, или бактерию.

кому же принципу, как виды души у Аристотеля: свойства каждого уровня включают в себя свойства уровней ниже (например, субъекты типа А включают свойства типов Б, В, Г).

А. *Биографические, или нарративные, субъекты* – такие субъекты способны: (1) устанавливать нумерическое тождество между различными частями, или фазами, своей личности во времени; (2) иметь эпизодическое или пропозициональное знание о таких фазах (т.е. воспоминания о себе (эпизодическое знание) и способность делать высказывания типа «Я родился в 1988 году»); (3) объединять элементы этого знания в более менее связные каузальные последовательности – биографические нарративы. Нарративизм – позиция в философии тождества личности, которая защищает именно такое понимание субъекта, личности, или самости¹.

Б. *Самосознающие субъекты, или субъекты с «сильной» перспективой от первого лица*², – способны мыслить себя как себя. Котенок, который гоняется за своим хвостом, мыслит (интендирует) себя, но не *в качестве себя*³. Чтобы быть субъектом с сильной перспективой, необходимо быть способным установить тождество *Я* как субъекта с *Я* как объектом⁴. Другими словами, такие субъекты могут мыслить себя как субъект и объект одновременно. Именно поэтому Геллап⁵ и другие трактуют акт узнавания себя в зеркале как акт самосознания: животное отождествляет изображение (Я-объект) с самим собой (Я-субъектом).

В. *Субъекты со «слабой» перспективой от первого лица* – это «центрированные» субъекты, которые обладают ментальным фокусом, перспективой или точкой происхождения всех волевых актов. Как замечает Бейкер, «отличительная черта слабого феномена от первого лица в том, что он обладает перспективой (it is perspectival)»⁶. Субъекты данного типа взаимодействуют с миром, спонтанно относя все ментальные состояния к одной точке – той, которая (в случае людей) обозначается индексом первого лица. С феноменологической точки зрения эта аскрипция предикатов обладает тем, что Шумейкер назвал иммунитетом к ошибке ложного отождествления (immunity to error through misidentification). Так, хотя я могу ошибаться, что эта рука передо мной, по которой попадает камень, это моя рука, я не могу ошибаться, что эта боль, которую я чувствую – моя боль. Перспективная точка обладает привилегированным положением по отношению ко всем остальным точкам во вселенной. Она центр моего феноменального мира, моей психической жизни.

Г. *Минимальные опытные субъекты* – вещи, обладающие любым опытом, т.е. те, которым можно корректно приписать какие-либо ментальные состояния. Животные-минимальные субъекты обладают чувствительно-

¹ См.: [7]. До Шехтман теория нарративного тождества личности предложена Полем Рикёром в 5-м и 6-м разделах трактата «Я-сам как другой» [8. Р. 113–168].

² Деление на «сильный» и «слабый» варианты перспективы от первого лица принадлежит Линн Бейкер. См.: [9. Р. 60–61]. Гален Стросон [10. Р. 101] называет «сильное» самосознание Бейкер полным или выраженным (full or express). В отличие от Бейкер, Стросон утверждает, что полное самосознание не является необходимым признаком субъекта, или самости.

³ Пример Стросона [10. Р. 101].

⁴ Различение, введенное Джеймсом как I-Me distinction [11] и повторенное Витгенштейном [12. Р. 66] под названием «использование Я в качестве объекта и субъекта».

⁵ См.: [13].

⁶ [9. Р. 62].

стью (sentience). Захави описывает такие субъекты, или самости, как самые фундаментальные и примитивные по сравнению, например, с нарративными субъектами – личностями¹. Строссон² также предпочитает описывать субъекты в русле феноменального минимализма: как единичные и простые субъекты опыта.

Спекулятивно можно предположить, что субъекты типа Г – животные; по крайней мере те, которые обладают нервной системой. Субъекты типа В – развитые животные, такие как млекопитающие. Субъекты типа Б – шимпанзе³, а также почти все люди, кроме, вероятно, маленьких детей. Субъекты типа А мы традиционно называем личностями⁴. Большинство взрослых людей – личности, или биографические субъекты. В центр своей моральной заботы такие люди обычно помещают других людей. Этот стихийный моральный персонализм можно сформулировать в двух вариантах, сильном и слабом:

Слабый моральный персонализм: Моральная забота должна касаться в первую очередь личностей.

Сильный моральный персонализм: Моральная забота должна касаться только личностей.

В обществе Модерна душевнобольные и маленькие дети считаются неспособными «давать отчет в своих действиях», т.е., словами Рикёра, отвечать на вопросы «Кто говорит? Кто действует? Кто рассказывает свою историю? Кто ответствен?»⁵. Эти люди временно или в принципе неспособны создавать связные биографические рассказы, поэтому их членство в моральном сообществе усекается: они остаются предметами моральной заботы, но сами теряют ответственность за такую заботу и перестают быть субъектами морального действия. Это значит, что у некоторых людей субъектность может быть ограниченной только типами Б, В или даже Г. Другими словами, человеческая субъективность типологически не универсальна. Но и новорожденные, и душевнобольные – безусловно, предмет моральной заботы человеческого сообщества. Значит, в общепринятой моральной практике никто или почти никто не придерживается сильного морального персонализма, так как никто или почти никто не считает, что младенцы не являются предметом моральной заботы. Тогда по какому принципу личности (субъекты типа А) образуют поле своей моральной заботы? Наша рабочая гипотеза такова, что это происходит ввиду критерия сходства. Сформулируем его в двух вариантах:

¹ «Когда речь идет об опытной самости, мы можем оставить термин «самость», поскольку мы имеем дело именно с примитивной формой самоданности или самореференциальности. Напротив, возможно, было бы лучше говорить не о самости, а о личности как нарративной конструкции» [14. Р. 129].

² См.: [10], [15].

³ См.: [13].

⁴ Разграничение терминов «субъект», «личность» и «самость» не общепринятое, а зависит от конкретного автора. В данном тексте «субъект» и «самость» трактуются как синонимы, а «личность» – как субъект типа А. Сноудон [16] трактует личность (person) и самость (self) как синонимы. Захави [14. Р. 129] использует «личность» как название для нарративного субъекта, который не фундаментален в отличие от минимальной опытной самости. Олсон [17] избегает терминов «самость» и «субъект». Характеристика личности через биографический нарративизм – лишь один из многих вариантов. Например, см. определение личности Франкфурта [18]: личность – существо, имеющее второпорядковые желания (желания о собственных желаниях).

⁵ [8. Р. 297].

Видовой критерий сходства: «Я должен проявлять приоритетную моральную заботу о других организмах своего вида»¹.

Видовой критерий позволяет объяснить, почему люди-субъекты типа А (нарративные личности) заботятся о людях-субъектах типов Б и В. Но видовой критерий не может объяснить, почему гипотетический геноцид разумных инопланетян интуитивно расценивается как аморальный акт. Поэтому в нашем дорефлексивном моральном мышлении также есть –

Субъектный критерий сходства: «Я должен проявлять приоритетную моральную заботу о тех субъектах, которые наиболее сходны со мной как субъекты».

Если большинство людей действительно разделяют критерий сходства, мы получаем дескриптивную пропозицию: «Реальная или гипотетическая моральная забота большинства людей обращена, в первую очередь, на (1) представителей того же биологического вида, что и они, и (2) представителей такого же типа субъектности, что и они». Действительно, люди в большинстве случаев будут проявлять приоритетную моральную заботу друг о друге и второстепенную – о не-человеческих животных (и не-человеческих субъектах, если он существуют). Но когда мы переводим эту пропозицию в деонтическую модальность («Мы должны морально заботиться, в первую очередь, о похожих на нас организмах и субъектах»), возникают трудности, потому что у моральной заботы на основании сходства, видимо, нет никакого философского обоснования.

Когда действует критерий субъектного сходства, тождественные и близкие по типу субъекты помещаются мной в центр поля моей моральной заботы, а далекие оттесняются на периферию. Критерий субъектного сходства подталкивает нас к интересным интуициям: например, что между людьми (тип А) и червями (тип Г) больше общего, чем между людьми и внешне неотличимыми от человека андроидами, которые проходят тест Тьюринга (поскольку андройды, раз они лишены какой бы то ни было субъектности, сами по себе не могут быть объектами моральной заботы). Но при этом точно так же – по принципу сходства – можно ранжировать людей не только по наличию самосознания или способности к созданию биографических нарративов, но и по цвету кожи, гендеру, национальности и социальному происхождению, т.е. использовать принцип сходства как то, что оправдывает идеологии, разрешающие аморальные действия. По-видимому, приоритетная забота на основе субъектного сходства моральна, а на основе, к примеру, сходства цвета кожи – нет. Но дело не в том, что один критерий заботы предпочтительнее, чем другой (с этим интуитивно невозможно спорить), а в том, что обоснования недостает самому сходству как принципу отбора элементов в моральное сообщество².

¹ Как видно, видовой критерий сходства прямо следует из того, что Сингер назвал видизмом (speciesism) – предрасположенность в пользу интересов представителей своего вида в ущерб интересам представителей других видов [3. Р. 6].

² В качестве альтернативы критериям сходства можно предложить сентиентизм – позицию, которая включает в поле моральной заботы все существа, обладающие феноменальным сознанием и способные к чувственному восприятию (sentience) [19–21]. Но, разумеется, возникнет вопрос, не будет критерий чувствительности вариантом критерия сходства постольку, поскольку мы обладаем чувствительностью.

Заключение

В данной работе мы попытались защитить два связанных тезиса: (1) моральные суждения осмысленны, только если они включают термины, означающие либо субъекты, либо их интересы; моральные суждения, не содержащие такие термины (или содержащие пустые термины, как суждение «Убивать людей – зло» в мире, где нет людей), бессмысленны или лишены морального содержания; (2) поиск определения субъектов должен стать ключевой проблемой этики. В качестве предварительной разработки второго тезиса была предложена широкая классификацию типов субъектности, но вопрос о том, по какому уровню должна проходить граница нашей моральной заботы, был вынесен за скобки.

В заключение мы вынуждены признать, что чрезвычайно сложно найти философский аргумент в пользу принципа сходства несмотря на то, что он соответствует нашей базовой моральной интуиции. Так, если бы в проблеме вагонетки на рельсах лежали не пять человек, а пять собак, для большинства людей, включая, вероятно, большинство философов, эта проблема перестала бы быть проблемой: «разумеется», следует спасти одного человека и принести в жертву пять собак. Интуитивно оба варианта критерия сходства – видовой и субъектный – выглядят философски произвольными. Однако отказ от этого критерия и ценностное уравнивание значимости наших интересов с интересами животных (принцип «равного взвешивания интересов» Питера Сингера¹) противоречит моральной интуиции большинства людей, которую демонстрирует сценарий вагонетки с собаками. Возможно, эта интуиция неверна, и тогда задача философов – продемонстрировать ее ложность. Одна из стратегий на этом пути – исследовать статус не-человеческих животных (и гипотетических предметов, таких как инопланетяне и андрониды) как субъектов. Именно поэтому проблема определения субъекта, или критериев субъективности, должна быть одной из центральных проблем этики.

Список источников

1. *Аристотель*. Политика. М. : Академический проект, 2015. 318 с.
2. *Gruen L.* The Moral Status of Animals // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2021. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/moral-animal/>
3. *Singer P.* Animal Liberation. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 324 p.
4. *Singer P.* Practical Ethics. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 353 p.
5. *Кант И.* Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. М. : Наука, 1995. 528 с.
6. *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. London : Methuen, 1982. 343 с.
7. *Schechtman M.* The Constitution of Selves. Ithaca : Cornell University Press, 1996 169 p.
8. *Ricoeur P.* Oneself as Another. Chicago : University of Chicago Press, 1992. 363 p.
9. *Baker L.* Persons and Bodies: A Constitution View. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 248 p.
10. *Strawson G.* Selves: An Essay in Revisionary Metaphysics. Oxford : Oxford University Press, 2009. 448 p.
11. *James W.* The Principles of Psychology. Cambridge ; London : Harvard University Press, 1983. 1376 p.
12. *Wittgenstein L.* The Blue and Brown Books. Oxford : Oxford University Press, 1958. 66 p.

¹ [4. P. 21].

13. Gallup G. Jr. Self-Recognition // *The Oxford Handbook of the Self* / ed. by S. Gallagher. New York : Oxford University Press, 2011. P. 80–110.
14. Zahavi D. *Subjectivity and Selfhood: Investigating the First-Person Perspective*. Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2005. 265 p.
15. Strawson G. The Minimal Subject // *The Oxford Handbook of the Self* / ed. by S. Gallagher. New York : Oxford University Press, 2011. P. 253–278.
16. Snowdon J. The Self and Personal Identity // *Central Issues of Philosophy* / ed. by J. Shand. Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2009. P. 121–137.
17. Olson E.T. There is No Problem of the Self // *Journal of Consciousness Studies*. 1998. Vol. 5 (5–6). P. 645–657.
18. Frankfurt H.G. Freedom of the Will and the Concept of a Person // *The Journal of Philosophy*. 1971. Vol. 68, № 1. P. 5–20.
19. Linzey A. Sentientism // *Encyclopedia of Animal Rights and Animal Welfare* / ed. by M. Bekoff, C.A. Meaney. Westport, CT : Greenwood Press, 1998. 311 p.
20. Varner G. Sentientism // *Companion to Environmental Philosophy* / ed. by D. Jamieson & Ed. Malden. Massachusetts, USA : Blackwell Publishers Inc., 2001. P. 192–203.
21. Rodogno R. Sentientism, Wellbeing, and Environmentalism // *Journal of Applied Philosophy*. Feb. 2010. Vol. 27, № 1. P. 84–99.

References

1. Aristotle. (2015) *Politika* [Politics]. Moscow: Akademicheskiiy proekt.
2. Gruen, L. (2021) The Moral Status of Animals. In: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Metaphysics Research Lab, Stanford University. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/moral-animal/>
3. Singer, P. (2011a) *Animal Liberation*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Singer, P. (2011b) *Practical Ethics*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Kant, I. (1995) *Osnovy metafiziki npravstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika npravov* [Fundamentals of Metaphysics of Morality. Critique of Practical Reason. Metaphysics of Morals]. Translated from German. Moscow: Nauka.
6. Bentham, J. (1982) *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. London: Methuen.
7. Schechtman, M. (1996) *The Constitution of Selves*. Ithaca: Cornell University Press.
8. Ricoeur, P. (1992) *Oneself as Another*. Chicago: University of Chicago Press.
9. Baker, L. (2000) *Persons and Bodies: A Constitution View*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Strawson, G. (2009) *Selves: An Essay in Revisionary Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press.
11. James, W. (1983) *The Principles of Psychology*. Cambridge; London: Harvard University Press.
12. Wittgenstein, L. (1958) *The Blue and Brown Books*. Oxford: Oxford University Press.
13. Gallup, G. Jr. (2011) Self-Recognition. In: Gallagher, S. (ed.) *The Oxford Handbook of the Self*. New York: Oxford University Press. pp. 80–110.
14. Zahavi, D. (2005) *Subjectivity and Selfhood: Investigating the First-Person Perspective*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
15. Strawson, G. (2011) The Minimal Subject. In: Gallagher, S. (ed.) *The Oxford Handbook of the Self*. New York: Oxford University Press. pp. 253–278.
16. Snowdon, J. (2009) The Self and Personal Identity. In: Shand, J. (ed.) *Central Issues of Philosophy*. Malden, MA: Wiley-Blackwell. pp. 121–137.
17. Olson, E.T. (1998) There is No Problem of the Self. *Journal of Consciousness Studies*. 5(5–6). pp. 645–657.
18. Frankfurt, H.G. (1971) Freedom of the Will and the Concept of a Person. *The Journal of Philosophy*. 68(1). pp. 5–20.
19. Linzey, A. (1998) Sentientism. In: Bekoff, M. & Meaney, C.A. (eds) *Encyclopedia of Animal Rights and Animal Welfare*. Westport, CT: Greenwood Press.
20. Varner, G. (2001) Sentientism. In: Jamieson, D. & Malden, Ed. (eds) *Companion to Environmental Philosophy*. Massachusetts, USA: Blackwell Publishers Inc. pp. 192–203.
21. Rodogno, R. (2010) Sentientism, Wellbeing, and Environmentalism. *Journal of Applied Philosophy*. 27(1). pp. 84–99.

Сведения об авторе:

Турко Д.С. – магистр философии, аспирант, стажер-исследователь, факультет гуманитарных наук, Школа философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: tourko.dmitry@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tourko D.S. – Master of Philosophy, Postgraduate Student, Research Assistant, Faculty of Humanities, School of Philosophy and Cultural Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: tourko.dmitry@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.08.2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022*

*The article was submitted 09.08.2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*